

Люй Дзиюн

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РАССКАЗЕ Т. ТОЛСТОЙ «ЛЮБИШЬ – НЕ ЛЮБИШЬ»

Рассказ Татьяны Толстой «Любишь – не любишь» необычен тем, что автор передает свои представления о драматизме бытия через восприятие шестилетнего ребенка. Для этого используются различные формы выражения авторского сознания. Одна из них – диалог без единого комментария. Рассказ начинается с разговора девочки и матери о нелюбимой няньке – «Марьиванне». Из него видно, что главная героиня – девочка не понимает трагическую историю любви «Марьиванны» и ненавидит «старушеницию».

Диалог неожиданно переходит в несобственно прямую речь от имени девочки, в которой дается портрет няни сквозь призму неприязни: «Маленькая, тучная, с одышкой. Марьиванна ненавидит Нас, а мы – ее. Ненавидим шляпку с вуалькой, дырчатые перчатки, сухие коржики «песочное кольцо», которыми она кормит голубей...» [1].

Далее идет прямая речь автора – повествователя, где судьба Марьиванны предстает через восприятие такой же, как она сама «старушениция в шляпе», которой няня показывает фотографии своей юности. Авторская речь здесь в большой степени насыщена эпитетами, метафорами, хотя постоянно пере-

межается несобственно прямой речью девочки – героини: «В скверике, который Марьяванна называет «бульваром», бледные ленинградские девочки копаются в потемневшем осеннем песке, прислушиваясь к взрослым разговорам. Марьяванна... вынимает из ридикюля твердые старинные фотографии... Неужели в недрах этой задыхающийся туши погребено вон то белое воздушное существо в кружевных перчатках? «Он заменил мне отца и мать и хотел, чтобы я называла его Жорж. Он дал мне образование, он впервые вывез меня в свет... Он безумно, безумно меня любил! [1, с. 17].

Становится ясно, что Жорж был игрок, ловелас и попросту использовал «Марьяванну». «Старушенция» понимает ситуацию по иному. Она верит, что Жорж «чудный поэт. Сейчас таких нет. Такой романтичный, немного мистик»... [1, с. 17].

Марьяванна вечерами читает стихи «дяди», которые только пугают героиню. Девочкины сны, видения, больной бред передается с помощью монологической речи. Другая любимая няня Груша читает стихи Пушкина и Лермонтова. И в них «злой чечен» с кинжалом совсем не страшен: «Кольшется кисея на окне, из-за зимнего облака выходит грозно сияющая луна... выползает на обледенелый бережок черный чечен, мохнатый, блестит зубами» [1, с. 23]. Няня Груша – народная, мудрая, ее песни вызывают сладкие сны. И девочка понимает это, когда видит «дурацкую любовь» выросшей девочки Кати к Марьяванне. Но сама полюбить и понять ее не может: «Только старенькие руки няни Груши «отогреют мое замерзшее, заблудившееся, запутавшееся сердце!» [1, с. 26].

Моменты становления души ребенка, ощущения «бесприютной, неумелой души» передаются Татьяной Толстой через монолог заболевшей девочки, который переходит во внутреннюю речь недоумевающей Марьяванны, затем в прямую речь этого персонажа и завершается стихами о страсти и смерти дяди Жоржа в исполнении Марьяванны.

Няня Марьяванна уходит «за порог, за предел, навсегда из нашей жизни», оставив след в душе ребенка, видящего, что «снег сошел», хотя «весна еще слаба». А впереди будет лето с его надеждами на счастье, потому что «каменные углы» жизни, в которых лежат «черные корки» осевшего снега не должны заслонять блеск будущей надежды.

Таким образом, используя сложное соотношение различных форм повествования, Татьяна Толстая в рассказе «Любишь – не любишь» выражает через чистое детское восприятие двойственную сущность бытия, совмещающего трагическое и ужасное с возвышенным и радостным, любовь и ненависть, юность и старость. Человек обретает счастье только тогда, когда его кто-нибудь «поймет сердцем, как понимает зверь – зверя, старик – дитя, бессловесная тварь – своего собрата» [1, с. 26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Толстая Т.Н. Ночь: Рассказы. М.: Подкова, 2002. С. 16.